

² Усок И. Е. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и его восприятие в России 19—20 вв. — В кн.: Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979, с. 243.

³ Там же, с. 242, 259.

⁴ Достоевский Ф. М. Письма: В 4-х т. М.; Л., 1928, т. I, с. 86.

⁵ Благой Д. Д. Указ. соч., с. 376.

⁶ Там же, с. 410.

⁷ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского (вторая пагинация). СПб., 1883, с. 373.

⁸ Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973, с. 232.

⁹ Там же, с. 137.

¹⁰ Микулич В. (Веселитская Л. И.) Встреча со знаменитостью. М., 1903, с. 15.

В. А. НИКОЛЬСКИЙ

(Калининский госуниверситет)

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» ПУШКИНА И «ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА» ЩЕДРИНА

Оправдано ли сопоставление величайшего творения Пушкина с произведением, завершающим творческий путь Салтыкова-Щедрина? Более полувека разделяет эти книги: «Евгений Онегин» опубликован полностью в 1833 г., «Пошехонская старина» — в 1889. Разительно непохожи они по своей художественной природе: стихотворный роман, исполненный лиризма, в котором главный интерес сосредоточен на переживаниях трех-четырёх лиц, и прозаическая семейная хроника, свободная от традиционной романической интриги и содержащая богатейшую галерею типов и бытовых картин.

Но уже самая несхожесть их позволяет судить о пути, пройденном русской литературой за полустолетие: это крайние звенья единой цепи. Художественное совершенство делает их сравнимыми в эстетическом отношении. К тому же между ними есть и существенные внутренние связи.

Пушкин и Щедрин обращаются к одной и той же поре русской жизни — поре крепостничества, уже вступившего в полосу упадка. Сюжетное время пушкинского романа охватывает пятилетие, непосредственно предшествующее выступлению декабристов, а авторское время — и последующие годы. Щедрин рисует детство Никанора Затрапезного, своего однолетка, т. е. в основном 1826—1836 гг. И обитателям Пошехонья уже знаком «Евгений Онегин», который главами начал публиковаться с 1825 г.

Пушкин пишет буквально по следам бегущего времени и не может опережать его. Щедрин же оглядывается на прожитую жизнь и вправе делать экскурсы не только в со- роковые годы, как в рассказе о Валентине Бурмакине, но и в пореформенные, повествуя, например, о предводителе дворянства Струнникове, ставшем в эмиграции ресторанным лакеем.

Изображение косного уклада жизни в значительной степени к тому же снимает вопрос о жестких временных границах сюжета. Щедрин самим заглавием книги подчеркивает намерение воссоздать облик целой эпохи, крепостнической старины, дав при этом понять читателям, что не совсем отошла в прошлое эта старина. «Ибо хотя старая злоба дня и исчезла, но некоторые признаки убеждают, что, издыхая, она отравила своим ядом новую злобу дня и что, несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их остается нетронутою»¹.

Героям стихотворного романа и романа-хроники возможно было бы и «встретиться» в жизни, так как они почти соседи. Псковщина и Пошехонье, давшие авторам так много конкретного материала для обобщенных картин поместного захолустья, не так уж удалены друг от друга. Строфы седьмой главы и «Путешествия Онегина» Пушкин создавал, гостя у знакомых в Малинниках и Павловском Старицкого уезда Тверской губернии. «Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина», — пишет поэт Дельвигу из Малинников 26 ноября 1828 г.

Ларины и Затрапезные ездили «навстречу» друг другу, пробираясь на долгих в землю обетованную для неслужилого поместного дворянства — матушку Москву. У Затрапезных переезд занимал двое суток, а Ларины «тащились» целых семь.

Только петербургские главы пушкинского романа, как и одесские его строфы, лежат вне географических рамок щедринской хроники.

Главное же заключается в том, что Пушкин и Щедрин обращаются к одному пласту русской жизни: Пошехонью не в географическом, а социально-историческом смысле, имея в виду крепостническую Россию в целом. «Ибо общий уклад пошехонской дворянской жизни был везде одинаков, и разницу обуславливали лишь некоторые частные особенности, зависевшие от интимных качеств тех или других личностей» (15).

Правда, семейство Лариных, при всей его непритязательности, благообразнее и культурнее семейства Затрапезных. У Лариных есть кой-какая титулованная родня в Москве. Соседи же Лариных уже без всяких оговорок под стать обитателям щедринского помещичьего Пошехонья. Скотинины, Буяновы, Хохряковы, Пустяковы, Фляновы, Зарецкие, Петушковы — одного поля ягоды с Голубовицкими, Гуриными, Соловкиными, Чепраковыми, Пустотеловыми...

И суть совсем не в оглядке Щедрина как автора «Пошехонской старины» на пушкинский роман, а в общности самого жизненного материала, лежащего в основе их художественных обобщений. Бытовые картины, различные жизненные положения, человеческие судьбы в пушкинском романе как бы предвосхищают многие описания, эпизоды да и характеристики персонажей щедринской хроники. Щедрин в этом смысле развивает и углубляет уже замеченное гениальным основоположником русского классического реализма.

И прежде всего это относится к групповому портрету провинциального дворянства. Помыслы помещиков всецело направлены на заботы о своем материальном благополучии. На эту тему велись нескончаемые разговоры при встречах соседей:

Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен (2, XI).

Матери почтенных семейств много времени и изобретательности отдавали матримониальным заботам: поискам женихов для «созревших барышень». Дочерей надо было устроить, пристроить, а то и просто с рук сбыть. Соображения выгоды опять-таки стояли на первом плане. Поэтому не пренебрегали никакими средствами обольщения молодых людей: модными платьями, изысканными по провинциальным понятиям манерами, музыкальными талантами, светской болтовней. Полные юмора строки посвятили всем этим ухищрениям и Пушкин, и Щедрин. Так вот завлекали Владимира Ленского:

Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом принёсят и гитару;
И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!..

(2, XII).

Щедрин свидетельствует, что в подобных ситуациях популярен был и романс «Прощаюсь, ангел мой, с тобою» (407).

Это был быт устоявшийся, сложившийся в определенные формы, неподатливый на новые веяния: тут «все... на прежний образец». Косыми взглядами и злыми пересудами встречаются в этой среде всякого, кто пытается сколько-нибудь выбиться из общей колеи: так надуваются «господа окрестных селений» на Онегина, вздумавшего «ярем барщины старинной оброком легким заменить», так неприязненно встречают у Затрапезных братца Федоса, опростившегося и уважающего тружеников. Не возникало в этой среде мыслей об отечестве и о долге перед ним, не было понимания задач, поставленных историей перед нацией и народом.

Немало обнаруживается в романе и хронике почти совпадающих бытовых зарисовок, например, семейных праздников и гощений соседей друг у друга, составлявших обязательную примету «пошехонского раздолья».

После бала на именинах Татьяны

Всё успокоилось: в гостиной
Храпит тяжелый Пустяков
С своей тяжелой половиной.
Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столовой.
А на полу мосье Трике,
В фуфайке, в старом колпаке.
Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объята сном (6, II).

А вот похожие щедринские строки: «С утра идет хлебо-сольство: чай, завтраки, обеды. Только не взыщите, а за-

пасов, слава богу, про всех хватит. Вечером дешевенькая гувернантка на фортепьянах играет, а барышни и кавалеры танцуют. В большинстве случаев гости остаются ночевать: мужчины располагаются спать в зале и в гостиной вповалку на разостланных по полу перинах; женский пол разводят по комнатам барышень, на антресолях» (363).

Очень похожи также описания поездок помещичьих семей «на долгих» в Москву, с хлопотливыми сборами, громоздким обозом, неудобствами и злключениями самого пути. Пушкин прибегает при этом к не менее выразительным подробностям, чем это сделает впоследствии Щедрин:

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит (7, XXXIV).

А строфы о пребывании Лариных в Москве и выездах Татьяны на «ярманку невест» разве не вспоминаются при чтении глав щедринской хроники, повествующих о попытках уловления жениха для сестры Никанора Затрапезного?

Перекликаются нередко и мельчайшие детали бытовой картины, например, в строках о рукописных альбомах уездных барышень. Пушкин приводит почти обязательные стишки на последней странице:

«Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня» (4, XXVIII).

О «нелепом стихотворении» «На последнем я листочке» упоминает и Щедрин (332—333).

Но не только общий характер бытовых зарисовок как-то роднит оба произведения, но и фигуры помещиков, в них изображенных. Пушкинская строка о «Гвоздине, хозяине превосходном, владельце нищих мужиков», как бы развернута Щедриным в целую главу об «образцовом хозяине» Пустотелове, в которой раскрыта сама механика «образцового» выколачивания плетью барского благополучия.

Пушкинский «деревенский старожил», который «лет срок с ключницей бранился, в окно смотрел и мух давил», многим близок московскому старожилу — дедушке повест-

вователя Павлу Борисычу, доживающему свои годы, глаза в окно, воюя с мухами да с «кралей» Настасьей. «Изо дня в день его жизнь идет в одном и том же порядке, и он даже перестал тяготиться этим однообразием» (180). Павла Борисыча удовлетворяло чтение «Московских ведомостей», как дядю Онегина — «календаря осьмого года». Только наследников у него было побольше, и зорко следили они друг за другом, ожидая, когда же «черт возьмет» зажившегося богатого родича.

Колоритна у Пушкина фигура Зарецкого, в молодости «буяна», «картежной шайки атамана», дуэлянта, попадавшего «в туз из пистолета в пяти саженьях». У Щедрина, как бы в параллель к нему, появляется фигура виновника «недолгого сестрицына романа» Еспера Клещевинова, игрока и мота, нечистого на руку, с опаской, но принятого в домах средней руки. Он тоже «мог постоять за себя и без церемоний объявлял, что в двадцати шагах попадет в туз из пистолета» (238). Двадцать шагов — те же пять саженьей!

Пушкина и Щедрина привлекают также сходные человеческие судьбы в помещичьей среде. В семьях Лариных и Затрапезных главные роли играют энергичные, волевые помещицы, взявшие верх над своими вялыми и слабавольными супругами. С Лариной и Затрапезной после замужества происходит одинаковая метаморфоза: быстро забываются ими девические мечтания, исчезает молодая шаловливость у одной и модная сентиментальность у другой. Крепостническая повседневность, уклад помещичьего дома властно подчиняют их себе. Обе они входят в устоявшуюся колею крепостнических отношений, черствеют.

О Лариной Пушкин пишет:

Но скоро все перевелось:
Корсет, альбом, княжну Алину,
Стихов чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконец
На вате шлафор и чепец (2, XXXIII).

И Анна Павловна поначалу «была веселая и разбитная молодка, называла горничных подружками, любила играть с ними песни, побегать в горелки и ходить веселой гурьбой в лес по ягоды... Года через четыре после свадьбы в ее жизни совершился крутой поворот. Из молодухи она как-то

внезапно сделалась «барыней», перестала звать сенных девушек подруженьками, и слово «девка» впервые слетело с ее языка, слетело самоуверенно, грозно и бесповоротно» (88—89).

В связи с этим следует напомнить глубокую мысль Щедрина о том, что, казалось бы, самые сильные и самостоятельные личности в этой среде, — например аксаковский старик Багров, — не более как рабы существующего порядка вещей.

У Пушкина точно очерчен и круг забот и занятий, всецело поглотивших помыслы молодой помещицы:

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь —
Все это мужа не спросясь (2, XXXII).

Затрапезная занята тем же самым, только размах ее хозяйственной деятельности куда значительно, и главное в ее неусыпных хлопотах — удачливое округление владений, вызывающее завистливое восхищение помещичьего соседства. Конечно, сыграло свою роль купеческое происхождение Анны Павловны. Но перед нами все-таки похожие человеческие судьбы.

Нельзя также не усмотреть общего между историями Владимира Ленского и Валентина Бурмакина: это дворянские интеллигенты-идеалисты, чуждые окружающей их среде. Ленский — поклонник Канта, Шиллера и Гете, боготворящий поэзию и красоту, верящий в сродство душ. Бурмакин — русский гегельянец сороковых годов, восторженный почитатель Белинского и Грановского, размышляющий о разумности существующего, восторгающийся «святою простотой» патриархальных отношений и считающий любовь главной силой жизни. Витая в облаках отвлеченных рассуждений, они оставались в практической жизни «милыми невеждами».

Оба увлекаются красивыми помещичьими дочками и мечтают о семейном счастье. Оба стараются развить своих возлюбленных. Ленский читает Ольге романы и свои элегии. Бурмакин пытается ввести Милочку в среду своих московских друзей, с их неустроенным бытом и горячими спорами на философские темы, привить ей любовь к серьезному искусству. Оба терпят фиаско в столкновении с прозой

жизни. Ольга быстро забывает о погибшем Ленском. А Бурмакину приходится бежать из родного гнезда, будучи обманутым Милочкой и осмеянным ее пошлыми поклонниками.

Роман Пушкина и хронику Щедрина роднит также их автобиографизм. Автобиографизм «Евгения Онегина» носит лирический характер. Пушкин входит в роман как его герой. Он знакомит читателей с вехами своей писательской судьбы и, главное, раскрывает мир своих переживаний и раздумий, оценивает множество явлений и событий. Авторским отношением к ним окрашены перипетии романа Евгения и Татьяны. Она для автора — «милый идеал», он — «спутник странный». И в ней и в нем — кровное самого поэта.

Несомненен автобиографизм «Пошехонской старины», о чем пишет сам автор, оговаривая при этом элемент вымысла в ней. В истории детства Никанора Затрапезного легко угадываются и обстановка, в которой проходило становление личности самого автора, и конкретные события в семье Салтыковых. Родня, соседи, слуги — это люди из окружения Салтыкова.

И Пушкин и Салтыков-Щедрин судят своих героев по большому историческому счету, что придает особенную значительность их произведениям.

С легкой руки Белинского за пушкинским романом прочно утвердилось наименование «энциклопедии русской жизни» из-за необыкновенной широты нарисованной в нем картины. К подобному определению прибегают и пишущие о «Пошехонской старине». «Пошехонская старина» — своего рода художественная энциклопедия крепостнического уклада 30—40-х годов, рисующая последний во всем разнообразии стихий и фактов².

Это произведения с открытым сюжетом, с недосказанными историями главных героев. Пушкин оставляет Онегина в «минуту злую для него», и читатель может только гадать, как сложится его последующая жизнь. Да и автор тоже?.. «Житие пошехонского дворянина Никанора Затрапезного» обрывается на рассказе о его отрочестве. Но книгу как бы «продолжает» реальная биография ее автора!

Из всего сказанного можно сделать вывод: первый художественный очерк Пошехонья в классической русской литературе принадлежит Пушкину как автору «Евгения Онегина». В то же время это было его не главной, а побочной задачей, ставило второй план произведения, объясняло трагическое одиночество главных героев. «То, что Пушкин

рисовал с присущей ему лаконичностью, как «проходной» образ бытового фона, было развернуто Щедриным в избыточную социальными деталями характеристику»³.

Щедрин пережил перелом русской жизни, вызванный крушением крепостнического строя и вступлением России в новую полосу ее исторического развития, и это наложило глубокую печать на все его творчество. Его интересует не расслоение в рядах дворянства, не поиски глубинных национальных начал жизни лучшими людьми из дворян, не их жизненная драма, а коренная коллизия крепостнического строя: непримиримые противоречия между рабовладельцами и их «крещеной собственностью» — крепостными крестьянами. Сам он стоит на стороне последних, о чем неоднократно пишет в «Пошехонской старине». «Это может показаться странным, но я и теперь еще сознаю, что крепостное право играло громадную роль в моей жизни и что, только пережив все его фазисы, я мог прийти к полному, сознательному и страстному отрицанию его» (130—131). «Полное, сознательное и страстное отрицание» крепостничества, всех его порождений и пережитков и составляет пафос «Пошехонской старины».

В семейной хронике Щедрина нет героев, хотя скольконибудь напоминающих Онегина и Татьяну с их сложной душевной жизнью и нерешенностью мучающих их вопросов. Щедрин видит, что историческая роль помещичьего дворянства давно им сыграна и оно превратилось в реакционную силу, препятствующую историческому развитию. Ретроградны и попытки как-то обелить крепостническое прошлое, объявить его чуть ли не золотым веком русской жизни, о чем так пеклась реакционная публицистика конца прошлого века. Помещичий класс, безусловно, осуждается Щедриным независимо от личных качеств и житейской практики отдельных помещиков. И в этом смысле нет разницы между приобретательницей Анной Павловной Затрапезной и мотом Струнниковым, фурией Анфисой Перфильевной Савельевой и добренькой «тетенькой-сластеной».

Картины помещичьей жизни у Пушкина не лишены налета некоторой идилличности. Так, он не без сочувствия говорит о патриархальных традициях в семье Лариных, об их верности привычкам «миллой старины». Они следовали издавна сложившемуся распорядку жизни, соблюдали обычаи и предписания календаря с его святочными гаданиями, масленичными пиршествами, говениями, верили в приметы

и вещи сны. Быт Затрапезных и всего их круга начисто лишен этой поэзии дворянских гнезд и показан во всей неприглядной наготе корыстных побуждений, толкающих помещиков на большие и малые «обычные» злодеяния. Непригляден в Пошехонье, за редчайшими исключениями, даже внешний облик дворянских усадеб: неказистых, неудобных, засевших в самой гуще крестьянских изб.

Щедрин избегает в своей хронике и любования природой, которая на Пошехонье едва ли уступала по красоте псковской. Поэзия природы невольно отвлекала бы читателя от того, что составляет главный нерв хроники. Щедрин всячески подчеркивает бедность и унылость природной обстановки, как бы заведомо предназначенной для того, чтобы на этой сцене «разыгрывались мистерии крепостного права».

Автор «Евгения Онегина» почти не касается жизни крепостных. Подробнее всего им сказано о няне Татьяны, прототипом которой была Арина Родионовна. Она обрисована с огромным сочувствием. Но и в этом случае на первом плане «русская душою», тянущаяся к простым людям дворянская девица. Промелькнула также в седьмой главе фигура другого слуги: седого калмыка в доме московской княжны Алины, за плечами которого, наверное, нелегкая жизнь вдали от родины.

В других же мимолетных зарисовках отражены отнюдь не тяжелые стороны крестьянской жизни: вот крестьянин, «торжествуя», прокладывает путь на дровнях по первопутку; дворовый мальчик забавляется со своей Жучкой; крестьянская «дева», распевая, прядет при свете лучины; «белянка черноокая» награждает своего барина «младым и чистым» поцелуем.

Не то у Щедрина. Крепостной массе, главным образом наиболее зависимым от «господ» дворовым людям, посвящено не меньше страниц, чем их владельцам. И это строки великой скорби и великого гнева.

Автор отнюдь не идеализирует крепостных. Он пишет и о тех, кто предан своим барам. Вот староста Федот, пекущийся о помещичьей выгоде и ценимый за ум и преданность самой барыней Анной Павловной Затрапезной. Вот ключница Акулина, которая поставлена к господскому добру и «лает», сторожа его. Вот кучер Алемпий, выполняющий в усадьбе роль залпленного мастера. Вот совершенно отупевший на лакейской должности Конон.

Но главное внимание Щедрина привлекают те крепост-

ные, которые пытаются осмыслить свое положение и по-своему протестовать против него. Аннушка и Мавруша-новоторка, несчастная Матренка и Ванька-Каин, Сатир-скиталец и Сережка садовников — это не только похожие и непохожие судьбы, но и люди со своими поисками ответов на вопросы, которые ежеминутно ставят перед ними их рабское положение и беззащитность.

Ванька-Каин и Сережка садовников заявляют о себе, гаёрствуя и скоморошничая, за что попадают в колодки и под красную шапку. Другие прибегают к доводам религиозного порядка. Так, Аннушка поучает окружающих, что рабское положение ниспослано богом, за что рабы будут вознаграждены вечным блаженством на том свете. И она призывает повиноваться господам и терпеть.

А вот Сатир-скиталец и Мавруша-новоторка рассуждают по-иному: бог создал людей вольными, и они совершили тяжкий грех, продав свою волю, позволив себя закабалить. Сатир скорбит о том, что не может хотя бы умереть вольным. Мавруша-новоторка казнит себя за то, что добровольно пошла в рабство, выйдя за крепостного. Она не покоряется грозной барыне и кончает самоубийством. К этой жалкой форме протеста прибегает и поруганная Матренка.

Упоминает Щедрин и о расправах крепостных с помещиками-извергами: задушена санными девушками Анфиса Савельцева, повешен крепостными за ноги и сожжен Пёс Антонович Грибков. Но на эту тему, по цензурным условиям, автору «Пошехонской старины» нельзя было распространяться.

Первый реалистический роман XIX в. и один из последних... А между ними — бурное развитие русской литературы с многообразием течений, целым созвездием оригинальных и выдающихся дарований, такие вершины художественной и общественной мысли, как «Мертвые души» Гоголя, «Записки охотника» Тургенева, «Записки из Мертвого дома» Достоевского, «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Некрасовская поэма и по времени и по духу наиболее близка «Пошехонской старине». Но «подготавливали» щедринскую хронику и писатели разночинского лагеря. «Они стремились различными средствами усилить звучание критического метода Пушкина. Это достигалось и подчеркнутым снижением интеллектуального и морального облика героев, и перенесением внимания с «исключений» на устойчивые и типические процессы действительности, и введением крепостного

фона с оценкой происходящего под углом зрения угнетенной крестьянской массы. Не всегда это было полемикой с Пушкиным, но всегда их поправки углубляли пушкинский реализм. Он как бы приобретал у них большую резкость, становился непримиримее, ибо был обусловлен иным классовым мировоззрением, иным временем, а в известной мере и иным пониманием типического»⁴.

Однако в статье А. Цейтлина, откуда приведена эта цитата, проскальзывает мысль о пародийности «Пошехонской старины» по отношению к «Евгению Онегину», и она ставится в один ряд с «Сашкой» Полежаева и «Новым Онегиным» Д. Минаева. Это, конечно, заблуждение. Пародия осмеивает под видом подражания. Ни подражания пушкинскому роману, ни тем более осмеяния его главных героев и автора в «Пошехонской старине» нет. Напротив, мы стремились показать, что Салтыков-Щедрин довел до завершения критику дворянского Пошехонья, начало которой положено «Евгением Онегиным».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1975, т. XVII, с. 9 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы).

² Эльсберг Я. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. М., 1953, с. 576.

³ Цейтлин А. «Евгений Онегин» и русская литература. — В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941, с. 361.

⁴ Там же, с. 362—363.

П. И. ОВЧАРОВА
(Государственный Литературный музей, Москва)

ПУШКИН В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПАМЯТИ ЧЕХОВА «Повести Белкина» и «Маленькая трилогия» как книги новелл

У истоков сопоставления Чехова и Пушкина, как известно, стоял Л. Н. Толстой: Чехов, «как Пушкин, двинул вперед форму. И это большая заслуга. Содержания же, как у Пушкина, нет»¹.

В этом высказывании одинаково важны и сугубо читательское ощущение новизны повествовательной манеры Че-

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. С. ПУШКИН
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

Калинин 1983